

9. Ю.А. СОРОКИН

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

ВТОРИЧНАЯ СОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА И ЕЕ КУЛЬТУРАЛЬНЫЙ СУБСТРАТ

Ключевые слова: карта человеческого тела, телесность, личность, сознание, бытие

Y.A. Sorokin

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

SECONDARY SOMATOLOGICAL MAP AND ITS CULTURE SUBSTRATE

Keywords: a map of corporal existence, corporality, person, consciousness, being

Хотя порядок чтения *первичной* соматологической карты, характер ее оценок и их компаративные составляющие и были предметом обсуждения (см., например: Романов, Сорокин, 2004; Журавлев, Никитина, Сорокин, Реут, Тхостов, 2005), представляется целесообразным еще раз вернуться к тем теоретическим допущениям, на которых строится изучение восприятия человека человеком (изучение телесности).

Прежде всего, следует указать, что *Я* – это средостение между бытием и сознанием, между которыми существуют рекуррентные отношения. *Я* и *бытийствует* в мире, и пытается *осознать* характер своего присутствия в нем, осознанно или неосознанно рассматривая себя – и духовного, и телесного – как мерило *самого себя* и других людей, фактов, поступков и дел / действий. *Я* уподобляет себя внеположному / внешнему, наделяя его признаками и качествами лишь ему присущего опыта. И в то же время *Я* присваивает и усваивает признаки и качества внешнего / внеположного, наделяя ими самого себя.

Я как телесность / корпоральность – не исключение в этом отношении. И в немалой степени потому, что соматологическая карта / карта человеческого тела является «инструментом» опознавания и оценки внеположного *Я* как своего подобия, инструментом, обеспечивающим первичное познание (А. Менегетти; см. в связи с этим: Залевская, 2004: 58-60).

Еще в не столь отдаленные времена (1913 г.) полагали, что «"сознание" и "бытие"... совершенно различные понятия; одно означает отнесение объекта к "я", другое – отнесение к связи предметов, оценка, признающая нечто за реальность, в конечном счете за вещь, за существо, подобное нам, с самобытностью и (относительным или абсолютным) постоянством,

продолжительным или вечным, во время и/или вне времени. Предметы существуют: они суть вещи со свойственными им деятельностями и состояниями. Предметы суть содержания сознания: они в своих качествах зависят от субъекта, переживаются "я"» (Эйслер, 2007: 156).

Показательно, что о неизбежной связи *Я* и вещи, конституирующей их обоюдную «реальность», писал и Габриэль Марсель (его «Метафизический дневник» был опубликован в 1927 году): «... мы ни на одно мгновение не оказываемся вне сознания. Можно сказать лишь то, что я, несомненно, могу обладать сознанием лишь как какой-то определенной вещью и что *внимание к своему Я* может рассматриваться лишь как условие такого сознания» (Марсель, 2005: 425). И настаивал на том, что коммуникация с самим собой есть не что иное, как *способ бытия* (там же, с. 308). Не рассматривая подробно предложенные Э. Гуссерлем истолкования трех *понятий сознания* (Гуссерль, 2005: 131-162), приведу следующую – вполне согласующуюся с вышеизложенным – цитату: «... Я означает для нас не более как "единство сознания", связку "переживаний", или, в эмпирически реальном понимании и более естественно, как непрерывное, вещное единство, которое интенционально конституируется в единстве сознания как личностный субъект переживаний – как Я, которое обретает в них свои "психические состояния", которые осуществляет соответствующая интенция, соответствующее восприятие, суждение и т.д.» (там же, с. 162).

Но особенно важной в контексте следующих рассуждений представляется та точка зрения Э. Гуссерля, согласно которой к «... совокупному составу единства сознания принадлежат как раз такие интенциональные переживания, где интенциональным выступает Я как одушевленное тело..., Я как духовная личность и, таким образом, весь эмпирический Я-субъект (Я, человек)» (там же, с. 149).

(Примечание: Вышеизложенные точки зрения небезынтересно сопоставить с размышлениями давно минувших дней, свидетельствующими о фундаментальном значении этого триединства (Я – сознание – бытие) для понимания других и мира, а также для самопонимания. Ср.: «Групп (элементов бытия – Ю.С.), как известно, пять: группа чувственного / (рупа), группа ощущений, группа представлений (идей), группа психических (ментальных) сил и группа сознания. < ... > Перейдем к рассмотрению отдельных элементов, составляющих, по мнению буддийских ученых, нашу психику. Ели теория "не-Я", иными словами теория "пяти групп" (панчаскандха), разложив живое существо в образе человека на игру неких сил, именуемых дхармами-дхаммами, все же дала этому существу некоторое тело с пятью органами чувств с соответствующими им объектами и объединила их в группу "рупа", то у этого существа... должен быть какой-то дух или его подобие, во всяком случае нечто, определяемое как психическая жизнь. Обратившись к трем группам, следующим за группой "рупа"..., мы, действительно, видим, что они включают в себя то, что мы можем назвать психическими явлениями, то есть различные проявления нашего духовного мира, в первую очередь – ощущения – ведана, затем представления (идеи) –

санья и, наконец, все прочие психические элементы, включаемые в общую группу психических сил (чайтасика). < ... > Позднейший комментатор Ануруддха (по-видимому, XII век)... вставляет их в общую таблицу этих сил, в число элементов, "находящихся в любом виде сознания (то есть благоприятном и неблагоприятном)"» (Семичов, 1976: 60, 65)).

Среди вышеизложенного наиболее существенны, на мой взгляд, два утверждения / допущения: об *Я* как вечном единстве (Э. Гуссерль) и о способе бытия как коммуникации с самим собой (Г. Марсель).

По-видимому, коммуникация с самим собой, а точнее, *общение с самим собой* является лишь одним способом бытия, а именно *эндоспособом*, сосуществующим с *экзоспособом* – общением с другими как вещными единствами, инкорпорированными в пространство среды обитания. Экзоспособ – это способ существования сознания или, по Г. Марселю, сверхсознания, в котором «... преодолевается дуализм субъекта и объекта» (Марсель, 2005: 335), а эндоспособ – это способ существования самосознания, которое – вопреки Г. Марселю – и следует понимать как место встречи вопроса и ответа (см. в связи с этим: Марсель, 2005: 245-246). Иными словами, *Я* как способы бытия и как вечное единство – свое и чужое – есть не что иное, как симбиоз двух форм общения – эндообщения и экзообщения, причем именно эндообщение является исходным для самосознания собственной телесности и сопоставления ее с телесностью *всех других*.

Есть основания полагать (см. по этому поводу: Романов, Сорокин, 2004), что этот процесс самосознания и сопоставления, процесс оценки *себя* и *другого*, *своего* и *чужого*, есть процесс симультанный и выборочный: он подчиняется запретам и разрешениям этнокультурального характера, поощряющим ориентацию на свой телесный эталон / образец или отвергающим – если не полностью, то частично – другие телесные образцы. Точнее говоря, это не отвергающий, а скорее всего, отторгающий процесс, проходящий в мягкой форме: с фрагментами карты человеческого тела / с фрагментами соматологической карты соотносятся такие компаративы (сопоставления с вещным миром), которые свидетельствуют о специфической фокусировке способа бытия, присущей той или иной лингвокультуральной общности. Естественно, что наряду с такой интерфокусировкой существует и *интрафокусировка* – оценка *своих своими*: «В одном из социологических исследований... была даже сделана попытка на основе опроса группы избирателей распределить по шкале "теплый цвет – холодный цвет" ряд известных политических деятелей. Так, 11% респондентов посчитали Ельцина "теплым" и 83% – "холодным", у Лебеда было соответственно 29% и 67%, Явлинского – 29% и 62%, Зюганова – 30% и 60%, Жириновского – 35% и 65%, Гайдара 60% и 30% и т.д.» (Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2005: 79). Небезынтересны и оценки типов фигур (по нашим данным, на эту обобщающую характеристику телесности (фигуру) испытуемые реагируют или незначительным количеством ответов или отказываются от них): «... слова группы "стройный, пропорционального сложения" тесно связаны с зоной 1 (худой + красивый), причем адресуются

преимущественно женским фигурам. Для мужчин "красивыми" считаются фигуры зоны 2 (красивый + средней упитанности), а описываются они словами группы "коренастый, кряжистый, крепкий". ... можно найти и другие соответствия (группа "худой, худощавый, сухопарый" связывается с силуэтами зоны 4; все некрасивые фигуры собраны в зонах 7, 8 и 9, причем с зоной 7 (худые + некрасивые) ассоциируются слова группы "хлипкий, хилый", с зоной 8 (некрасивые и более упитанные) – слова *жирный, дебелий, тучный*. < ... > Другой пример: *худощавый, сухопарый, сухощавый* содержат элемент отрицательной оценки фигуры – по сравнению со словом *худой*» (Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2005: 98).

В свою очередь, и *интерфокусировка* (оценка чужих) дает не менее интересные результаты. Например, в статье В.П. Левкович и Н.Г. Пановой (Левкович, Панова, 1973) приводятся следующие результаты экспериментальных исследований зарубежных этнопсихологов: «Налицо явная тенденция в возрастании значения антропологических признаков по мере роста детей, особенно у шотландцев. < ... > ... пакистанские дети младших возрастных групп значительно раньше осознают этнические различия с группой национального большинства, в то время как шотландцы подчас только в школе сталкиваются с представителями другой национальности. Поэтому антропологический признак становится для пакистанцев одним из основных параметров этнического самосознания, а внимание шотландцев больше привлекает необычная для них одежда пакистанских детей. К десяти годам оба отмеченных показателя (антропологические признаки и одежда) играют приблизительно одинаковую роль... < ... > ... в возрасте 6 лет этнические предпочтения еще довольно неопределенны как у шотландских, так и у пакистанских детей. К 10 годам разница между шотландцами и пакистанцами становится весьма существенной. Как у шотландских, так и у пакистанских детей формируется отчетливая тенденция в этнических предпочтениях. Дети иммигрантов испытывают отрицательные чувства к своим внешним физическим данным, эти отрицательные чувства с возрастом увеличиваются. Это проявляется, в частности, в выборе цвета глаз. Пакистанские дети постоянно выбирают те карточки, на которых изображены лица с голубыми глазами. < ... > ... большинство детей, как шотландских, так и пакистанских, считают белых кукол "более красивыми". < ... > К.Б. Кларк (1947 г.) изучал негритянских детей, показывая им белых и черных кукол и спрашивая, какая из кукол им больше нравится: 66% детей выбирали темную куклу; среди белых детей почти такое же количество выбрало белую куклу. В ответ на вопрос "какая кукла лучше?" 59 белых детей ответили, что темная кукла "плохая"» (Левкович, Панкова, 1973: 126, 128, 129).

Даже из этих – выборочно представленных – фактов следует, что оценка чужих соотнесена с самооценкой, которой присуща амбивалентность, трансформирующаяся под влиянием этнокультурального окружения в одновалентное отношение к *другим / не своим*. Причем показательным в этой трансформации оказывается ориентация и на некоторый обобщенный образ

телесности (белые и черные куклы), и на внеантропологические признаки (одежда), указывающие на значимость их в процессе межэтнического общения / экзобщения. Точнее говоря, это даже не признаки, а некая искусственная телесность, облекающая природную телесность и указывающая на символичность и значимость входящих в нее элементов / вещных знаков. Удобнее всего, по-видимому, рассматривать эти элементы / вещные знаки как *геральдемы* – указатели / дейксисы ценности природной телесности / эмпирического Я-субъекта и ее / его аксиологического веса на координатной сетке лингвокультуральной / семиокультуральной общности.

Так как каждая координатная сетка автономна и самодостаточна, то наложение одной координатной сетки на другую четко / рельефно указывает на различия между ними, на различия между *своим* и *чужим*. В свое время Кнут Гамсун дал такие визуальные характеристики американкам и американцам: «Дама вся в шелку, у нее самый национальный костюм; вкус ее выражается в подборе самых несоответственных и отчаянных красок: на том же лифе черные, синие, белые и красные пуговицы; огненно-золотистый шарф на одном боку, развевающиеся желтые ленты, банты на самых неподходящих местах: – американки одеваются ослепительно; сам Соломон не одевался с таким великолепием!.. < ... > Янки покупает себе шляпу за 10-15 долларов, а сам преспокойно носит при этом пару брюк, на которых не хватает пуговиц там, где у брюк не должно не хватать пуговиц. < ... > В жаркое время года и не ждите увидеть сюртук или жилет на истинном янки; он безо всякого стеснения разгуливает себе по улицам со своею дамою и без этих принадлежностей туалета. < ... > В Америке человек расхаживает себе по всему партеру в театре, не снимая шляпы; он избавляет себя от излишней вежливости в отношении других. Только найдя место, сняв пальто и подложив его под себя, снимает он шляпу. В "Варьете" и "Opera Comique" он вовсе не снимает шляпы, но зато снимает сюртук, а в жаркое время года и жилет. Когда один янки входит в квартиру другого янки, ему нечего стесняться, оставаясь в шляпе; в этой стране принято и даже считается шиком поступать так, как самому хочется» (Гамсун, 1910: 563, 564, 566-567).

Координатные сетки – это микстсетки, явно или замаскированно указывающие на статус, престиж, имущественное или социальное положение и даже на место рождения (малую родину). В своей книге о французах Т. Зэлдин указывал, в частности, на следующее: «По традиции костюм бретонца указывал на деревню, из которой происходил его владелец, а вовсе не на национальную принадлежность. < ... > Прежде он (берет – Ю.С.) не был характерен для француза. До 1923 года его носили баски, главным образом в Пиринеях. < ... > Внешние физические характеристики французов отличаются большим разнообразием. Бретонцы всегда были небольшого роста, а обитатели Севера и Востока Франции – рекорсменами по росту. Жителей Дордони отличает большая голова, а у овернцев и бургундцев она специфически плоская. Сегодня на росте заметно сказываются социальные различия: те, кто побогаче, те и повыше. В Париже дети из аристократического шестнадцатого округа выше тех, кто живет в

двенадцатом. Крестьяне, работники торговли и промышленности, а также их жены составляют категорию населения с особенно большим весом».

(Примечание: Такая акцентировка фрагментов первичной соматологической карты, точнее, соотнесение с ними *аксиологизмов*, по-видимому, неизбежна. Можно даже сказать, что это – ее облигаторное качество. Облигаторно-аксиологическим можно также считать и сферу *диетонимов* (сферу еды / питания; если следовать за Г. Крейдлиным, но видоизменяя его терминологию, то это – сфера частичек, соотносимых с омефакционемами (см. в связи с этим: Крейдлин, 2002)), точно сигнализирующую о том или ином отношении к телесности / к эмпирическому Я (см. по этому поводу: Зэлдин, 1989: 234-242)).

И еще несколько выписок из этой книги: «... благодаря Парижу крестьянские кофты и русские сапоги, английский твид, шотландские кильты, японские юбки с разрезом, китайские куртки и комбинезоны американских астронавтов стали всеобщим достоянием. < ... > Их (людей – Ю.С.) выбор оказывает "пророческое" действие в том смысле, что он влияет на поведение людей: мини-юбка – это признак благосостояния и успеха, ногти, выкрашенные черным лаком, – символ полного отчаяния, всклокоченные волосы предвещают конец политического режима. < ... > В принципе половина женщин (а в высших слоях больше) считает, что имеет право пользоваться косметикой, чтобы скрыть свой возраст. < ... > На работу он ходит в дорогих английских костюмах, купленных у "Барнса" на авеню Виктора Гюго (в его семье все английское всегда считалось шикарным)... На работе, подчеркивает он, важно выглядеть респектабельно – не строго, как банкир, но и не слишком броско. Вельветовый костюм, например, может вызвать сомнение, а этого-то и следует избегать при всех обстоятельствах. Его жена считает, что было бы ошибкой одеваться чересчур модно: она одевает своих детей "в классическом английском стиле". Правда, она согласна с тем, что некоторые ее туалеты отдают снобизмом...» (Зэлдин, 1989: 25, 34, 39, 245, 254, 255, 277).

Итак, перед нами весьма разнородная картина: в ней сращены и сами вещи, «обслуживающие» *вторичную телесность*, и их социальная цена для себя и для других, позволяющая маркировать / индивидуализировать – пусть и фантомно – свое Я соответствующим образом (по-видимому, без этой маркировки никто не может претендовать на роль «социального альпиниста»). Если учитывать точку зрения Р. Барта, полагающего, что «...так же как одежда-образ и одежда-описание различаются по своим материалам и отношениям, а следовательно и по структуре, точно также у каждой из них иные материальные и иные отношения по сравнению с реальной одеждой; реальная одежда образует... третью структуру, отличную от первых двух, хотя она и служит им моделью; точнее, к этой третьей структуре принадлежит модель, которой следует передаваемая ими информация» (Барт, 2004: 37-38), то допустимо, по-видимому, утверждать, что именно одежда-образ и одежда-описание суть главные составляющие вторичной телесности в силу своей авторитетности и, тем самым, и своей

аттрактивности. *Я* как таковое воспринимает, очевидно, и одежду-образ, и одежду-описание, и реальную одежду как совокупный образ, как сообщающиеся между собой *геральдемы – проксонимы* (о проксонимах см.: Лебедева, 2002). Вряд ли эмпирическое *Я* различает одежду и одеяние (см.: Барт, 2004: 52), но, несомненно, схватывает смысл чужих «оболочек», прочитывает их как некие высказывания: «Это чтение не может вполне совпадать с непосредственным чтением высказывания, имеющим своей задачей дешифровку эквивалентности между словами-буквами и словами-смыслами; на самом деле высказывание в целом, во всей своей словесной протяженности, служит для чтения второй степени – позволяет прочитывать эквивалентность между внешним миром или Модой и одеждой» (там же, с. 60).

(Примечание: На мой взгляд, наряду с высказыванием / словесной протяженностью прочитывается и одежда-образ, и реальная одежда (презумпция совокупного образа). И, скорее всего, чтение второй степени – это чтение оппозитивности между внешним миром и Модой / одеждой).

Помимо своей оппозитивности, геральдемы могут быть по-разному сориентированы / могут быть разнополюсными: «... преобладание объемности предполагает этику личного самоутверждения и власти, а преобладание облегания – наоборот, этику эротизма», а в ряде случаев указывают на амбивалентное состояние своего «хозяина»: «... средневековые шуты и клоуны в елизаветинском театре носили костюмы, сшитые из двух частей и окрашенные в два цвета, которые своей дуальностью символизировали расщепление ума» (там же, с. 172, 185).

Говоря о моде, т.е. о совокупности перемежающихся геральдем (именно перемежающихся, но не сменяющих друг друга), Ролан Барт указывал, что модная личность – это составная личность, «... оригинальная комбинация расхожих элементов...», личность которая «одновременно и невозможна, и всем знакома» (там же, с. 289). По его мнению, «... Мода никогда не говорит о любви, она не знает ни адюльтера, ни внебрачных связей, ни даже флирта; в Моде путешествовать можно только с мужем» (там же, с. 295).

Подтверждением этих мыслей Р. Барта может служить, например, роман Л. Вайсгербер «Дьявол носит "Прада"» (Вайсгербер, 2006), в котором разыгрываются приключения моды / приключения эйфорических геральдем. Эти приключения-путешествия самодостаточны и *автоэротичны*. Они не предполагают наличия партнера, а если и предполагают, то тогда *муж* должен быть гомосексуалистом, а *жена* – лесбиянкой. Экзоэротичность / экзосексуальность является, по-видимому, лишь вторичным эффектом, возникающим из-за невозможности автономизировать Я-Ты отношения.

Показательны в этом отношении два нижеследующих фрагмента из этого романа: «Я никогда не встречала таких красивых мужчин. Они были в замечательной форме – не слишком мускулисты, ведь это "несексуально", – но, глядя на их трикотажные обтягивающие майки и облегающие кожаные брюки, вы всегда понимаете, что видите перед собой фанатов

гимнастического зала. < ... > Сигарета приземлилась в десяти сантиметрах от квадратных носов его пижонских мокасин с кисточками – непременно фишка Гуччи. Распрямляясь, я отметила, что на нем джинсы "Дизель", живописно вытертые, длинные, немного расклешенные. Они закрывали задники мокасин и от постоянного соприкосновения с землей порядком поистрепались. Черный ремень, видимо, тоже от Гуччи, но благородно оставлявший возможность сомневаться, эффектно обхватывал талию. В джинсы была заправлена белая футболка – такая футболка вполне могла быть из "Хейнс", но скорее всего было от Хьюго Босса или от Армани: носят их только для того, чтобы выгодно оттенить красивую, загорелую кожу. Его черный дорогой пиджак отлично на нем сидел и, возможно, даже был сшит на заказ, чтобы подчеркнуть выигрышные особенности его в общем-то самой обычной, но вместе с тем удивительно сексуальной фигуры» (Вайсгербер, 2006: 12, 138-139).

Но самым удачным примером «развертки» этой автоэротичности (рассчитанной, естественно, и на Других) может служить, пожалуй, следующий отрывок: «Вот изумительной ажурной вязки полотнище радикального цвета фуксии – от Селин; жемчужно-серая юбка с запахом – от Кельвина Кляйна; черная замша, расшитая по низу черным же бисером, – от самого мистера де ла Ренты. Там были красные юбки, юбки цвета небеленого полотна и сиреневые, юбки из кашемира. Длина нескольких была как раз такой, чтобы элегантно покачивать ими у самых лодыжек: другие были такие короткие, что напоминали колпачки от зубной пасты. Я взяла одну, длиной до середины икры, красавицу из коричневого шелка, приложила ее к талии – но ее ширины хватало только на одну мою ногу. Еще одна юбка опустилась на пол облаком тюля и шифона – казалось, она была сшита для светского раута на свежем воздухе где-нибудь в Чарлстоне. Потом показалась линиялая джинса с огромным коричневым кожаным ремнем, потом нечто серебристое – полупрозрачный чехол и прозрачная, в морщинках, легкая верхняя юбка» (Вайсгербер, 2006: 64-65; см. также с. 17, 24-25, 58, 146, 205-206, 343, 375).

Вряд ли можно принимать всерьез те способы маскировки, которыми *Я* – мужское или женское – пытается скрыть свое исключительное внимание к самому себе и, тем самым, отрицая, что в мире моды не существует ни любви, ни адюльтера, ни внебрачных связей, ни флирта: «В первую очередь по десятибалльной шкале оценивалась внешность (девушки – Ю.С.), во вторую – фигура, в третью – характер... < ... > Идеальный мужчина должен был обладать пятью "приоритетными" достоинствами: интеллектом, чувством юмора, хорошей фигурой, привлекательной внешностью и работой, которая попадала бы под широкое определение "нормальной"» (там же, с. 81-82).

Модная личность, но, по-видимому, и любая другая (личность вне Моды) не может не быть составной – хотя бы потому, что она и Анима, и Анимус, – которой изначально присущ «инстинкт» самооценки и оценки Других. По сути дела, десятибалльная и пятибалльная шкалы есть не что иное, как «счетчик» для измерения рангов *феминности* и *маскулинности*

(собственно, измерения рангов самоподтверждения и самоутверждения на социальном подиуме).

Литература

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М., 2004.
2. Вайсгербер Л. Дьявол носит «Прада». – М., 2006.
3. Василевич А.П., Кузнецов С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. – М., 2005.
4. Гамсун К. Полное собрание сочинений. – СПб., 1910, т. 4.
5. Гуссерль Э. Избранные работы. – М., 2005.
6. Журавлев И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А., Реут Д.В., Тхостов А.Ш. Психосемиотика телесности. – М., 2005.
7. Залевская А.А. Телесность / корпоральность и значение слова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 8. – М., Барнаул, 2004.
8. Зэлдин Т. Все о французах. – М., 1939.
9. Крейдлин Г. Невербальная семиотика. – М., 2002.
10. Лебедева С.В. Синонимы или проксонимы? – Курск, 2002.
11. Левкович В.П., Панова Н.Г. Проблемы формирования этнического самосознания у детей в трудах зарубежных ученых // Советская этнография. – 1973. – № 5. – С. 120-131.
12. Марсель Г. Метафизический дневник. – СПб., 2005.
13. Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М., 2004.
14. Семичов Б.В. Психические элементы различных состояний сознания (по палийским источникам) // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1976.
15. Эйслер Р. Сознание и бытие // Шуппе В., Штумпф К., Липпс Т., Эйслер Р. Фундаментальная психология у истоков неклассической парадигмы. – М., 2007.

References

1. Bart R. Fashion System. Articles on semiotics of culture. – M., 2004.
2. Vaysgerber L. Devil Wears "Prada". – M., 2006.
3. Vasiljevic A.P., Kuznetsov S.N., Mishchenko S.S. Color and the color names in Russian. – M., 2005.
4. Hamsun K. Complete Works. – St. Petersburg., 1910, v. 4.
5. Husserl E. Selected Works. – M., 2005.
6. Zhuravlev I.V., Nikitin E.S., Sorokin Y.A., Reut D.V., Tkhostov A.S. Psihosemiotiks of corporeality. – M., 2005.
7. Zalevskaja A.A. Corporeality / corporal and meaning of the word // Linguistic existence of man and ethnicity: psycholinguistic and cognitive aspects. Issue 8. – M., Barnaul, 2004.
8. Zeldin T. All about Frenchmen. – M., 1939.
9. Kreydlin G. Nonverbal semiotics. – M., 2002.
10. Lebedeva S.V. Synonyms or proksonims? – Kursk, 2002.

11. Lewkowicz V.P., Panova N.G. Problems of formation of ethnic identity among children in the works of foreign scholars // Soviet ethnography. – 1973. – № 5. – p. 120-131.
12. Marcel G. Metaphysical diary. – St. Petersburg, 2005.
13. Romanov A.A. Sorokin Y.A. Somatikon: Aspects of non-verbal semiotics. – M., 2004.
14. Semichov B.V. Mental elements of different states of consciousness (on Pali sources) // Studies in the History and Philology of Central Asia. – Ulan-Ude, 1976.
15. Eisler R. Consciousness and being // Shuppe V., Stumpf K., Lipps T., Eisler R. Fundamental psychology at the origins of the non-classical paradigm. – M., 2007.

(0,5 п.л.)